

Юрий Михайлович Осипов –

доктор экономических наук, директор Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, президент Академии философии хозяйства, вице-президент Академии гуманитарных наук, действительный член Российской академии естественных наук, главный редактор журнала «Философия хозяйства»

Уроки Макиавелли для заблудших правителей, разуверившихся народов и запутавшихся мудрецов (к 500-летию «Государя»)

Знакомый незнакомец

О любом великом ренессансном писании и его досточтимом авторе, а в данном случае – Макиавелли с его назидательными сочинениями, можно говорить и говорить, как собственно и молчать и молчать. И при этом отмечать вслух или про себя необычайное богатство вольно разлитой по произведению мысли, красоте и четкость примененного языка, меткость умело встроенных в текст сентенций, убеждаясь постранично в неуязвимости и неуязвимости смелых авторских утверждений, поражаясь пронизательности, дальнорзоркости и мудрости своевольного писателя-мыслителя. И что особенно замечательно – не ощущая в перечисленных качествах Макиа-

велли никакой врожденной тщеславности, или едва скрываемой личностной уязвленности, или же подгоняемой высокомерием дерзости, не говоря уже о пресловутой аморальности. Вряд ли сейчас найдется в мире хоть один раскрученный политолог, для которого такое странное для современной политологии понятие, как «доблесть», столь же дорого, значимо и употребимо, как для Макиавелли. Причем не касательно участия какого-нибудь героя в отчаянной вооруженной схватке, в гашении страшного городского пожара или в рискованном плаваньи на утлом суденышке по взбунтовавшемуся Средиземному морю, а применительно всего лишь к текущему отправлению государствен-

ных дел и повседневному народному бытованию. Так что говорить о Макиавелли и его примечательном труде, как и глубокомысленно о них умалчивать, можно и в самом деле много, по-разному и без всякой надежды на окончательный приговор. Но лучше все-таки, разбираясь с ними, сначала предоставить слово самому смертному создателю бессмертных произведений, попытавшись при этом вдуматься во все им и в них сказанное и постаравшись это сказанное понять. А после этого соотнести выстраданное автором с преходящей все-ленской актуальностью, не слишком далеко ушедшей от современной Макиавелли коварной турбулентной реальности.

Итак, слово Никколо Макиавелли — политику, мыслителю, мужу.

Прямая речь

«Всякая перемена прокладывает путь другим переменам». «Если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден (коррупция в современной России. — Ю.О.), то никакое снабдьё уже не поможет».

«Нельзя попустительствовать беспорядку ради того, чтобы избежать войны, ибо войны не избежать, а преимущество в войне утратишь».

«Горе тому, кто умножает чужое могущество, ибо оно добывается умением и силой, а оба эти достоинства не вызывают доверия у того, кому могущество досталось».

«Все вооруженные пророки побеждали, а все безоружные гибли».

«Тому, кто становится государем милостью судьбы, а не благодаря доблести, легко приобрести власть, но удержать ее трудно».

Сантти ди Тито. Макиавелли. 1500 год

Вряд ли сейчас найдется в мире хоть один видный политик или раскрученный политолог, для которого такое странное для современности понятие, как «доблесть», столь же дорого, значимо и употребимо, как для Макиавелли.

«Если основания не заложены заранее, то при великой доблести это можно сделать и впоследствии, хотя бы ценой многих усилий зодчего и с опасностью для всего здания».

«Люди мстят либо из страха, либо из ненависти (из зависти тоже. — Ю.О.)».

«Заблуждается тот, кто думает, что новые благоденствия могут заставить великих мира сего позабыть о старых обидах (в особенности об унижениях, которые никогда, никем и никому не прощаются. — Ю.О.)».

«Государь не волен выбирать народ, но волен выбирать

знать, ибо его право карать и миловать, приближать или подвергать опале».

«Государю надлежит быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут».

«Государь <...> не просит, а приказывает».

«Мудрому государю надлежит принять меры к тому, чтобы граждане всегда и при любых обстоятельствах имели потребность в государе и в государстве, — только тогда он сможет положиться на их верность».

«Государь, если он желает удержать в повиновении под-

Амброджо Лоренцетти. Аллегория доброго правления. 1337–1339 годы

Никколо Макиавелли:

«Мудрому государю надлежит принять меры к тому, чтобы граждане всегда и при любых обстоятельствах имели потребность в государе и в государстве, – только тогда он сможет положиться на их верность».

данных, не должен считаться с обвинениями в жестокости».

«Говорят, что лучше всего, когда бояться и любить (государя. – *Ю.О.*) одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх (или внушающую почтение неопределенность. – *Ю.О.*)».

«Вполне можно внушить страх без ненависти».

«Любят государей по собственному усмотрению, а боятся – по усмотрению государей».

«Важно лишь ни в коем случае не навлекать на себя ненависти подданных».

«Кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников».

«Из всех способов предотвратить заговор – не навлекать на себя ненависти и презрения подданных».

«Не ожесточать знать и быть угодными народу – это при-

надлежит к числу важнейших забот тех, которые правят».

«Дела, негодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные – исполнять сами».

«Добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными».

«Крепкая и решительная власть никогда не допустит расколов; и если в мирное время они полезны государю, так как помогают ему держать в руках подданных, то в военное время пагубность их выходит наружу».

«Когда народ берется за оружие, на подмогу ему всегда явятся чужеземцы».

«Государи <...> должны остерегаться попадать в зависимость к другим государям».

«Добрые советы, кто бы их ни давал, рождаются из мудрости государей, а не мудрость государей рождается из добрых советов».

«Судьба распоряжается лишь половиной всех наших дел,

другую же половину, или около того, она предоставляет самим людям».

«Натиск лучше, чем осторожность, ибо фортуна – женщина, и кто хочет с ней сладить, должен колотить ее и пинать, – таким она поддается скорее, чем тем, которые холодно (и нерешительно. – *Ю.О.*) берутся за дело».

«Бог не все исполняет сам, дабы не лишить нас свободной воли и причитающейся нам части славы».

«Если ваш славный дом пожелает следовать по стопам величайших мужей, ставших избавителями отечества, то первым делом он должен создать собственное войско».

«<...> слабости, до которой довела мир нынешняя религия».

«Люди поступают хорошо лишь по необходимости; когда же у них имеется большая свобода выбора и появляется возможность вести себя, как им заблагорассудится, то сразу же возникают величайшие смуты и беспорядки».

«Хорошая армия имеется там, где существует хороший политический строй, и хорошей

армии редко не сопутствует счастье».

«Из римских смут (в Древнем Риме. — Ю.О.) протекали не изгнания или насилия, наносящие урон общему благу, а законы и постановления, укрепляющие общественную свободу (при добром народе, еще не разнузданном. — Ю.О.)».

«Если бы Римское государство было более спокойным <...> оно оказалось бы также более слабым, ибо отрезало бы себе путь к тому величию, которого оно достигло. Таким образом, пожелай Рим уничтожить причины смут, он уничтожил бы и причины, расширившие его границы». «Совершенно необходимо, чтобы один-единственный человек создавал облик нового строя и чтобы его разумом порождались все новые учреждения. <...> И никогда ни один благоразумный человек не упрекнет его, если ради упорядочения царства или создания республики он прибегнет к каким-нибудь чрезвычайным мерам».

«(Наводя порядок в Древнем Риме. — Ю.О.) обратился к религии (идеологии. — Ю.О.) как к вещи совершенно необходимой для поддержания цивилизованности».

«Римские граждане гораздо больше боялись нарушить клятву, нежели закон, как те, которые почитают могущество бога превыше могущества людей (а потом боги отвернулись от римлян, когда римляне отвернулись от себя. — Ю.О.)».

«Насколько религия помогала командовать войсками, воодушевлять плебс, поддерживать людей добродетельных и посрамлять порочных».

«Мудрецы <...> прибегают к богам».

«Религия была одной из важнейших причин счастья Рима».

«Соблюдение культа божества является причиной величия

государства, точно так же пренебрежение этим культом является причиной его гибели». «Если бы князья христианской республики сохраняли религию в соответствии с предписаниями, установленными ее основателем, то христианские государства и республики были бы гораздо целостнее и намного счастливее».

«Кто рассмотрит основы нашей религии (христианства. — Ю.О.) и посмотрит, насколько отличны ее нынешние (эпохи Ренессанса. — Ю.О.) обычаи от стародавних, первоначальных, придет к выводу, что она, несомненно, близка либо к своей гибели, либо к мучительным испытаниям». «Дурные примеры папской курии лишили нашу страну всякого благочестия и всякой религии. <...> Где существует религия, предполагается всякое благо, там же, где ее нет, надо ждать обратного. <...> Мы, итальянцы, обязаны Церкви и священникам прежде всего тем, что остались без религии и погрязли во зле. Но мы обязаны им еще и гораздо большим, и сие — вторая причина нашей гибели: Церковь держала и держит нашу страну раздробленной».

«Не будучи в силах овладеть всей Италией и не позволяя, чтобы ею овладел кто-нибудь другой, Церковь была виновницей того, что Италия не смогла оказаться под властью одного владыки, но находилась под игмом множества господ и государей».

«Не познавший свободы народ <...> является не чем иным, как грубым животным, которое мало того что по природе своей свирепо и дико, но вдобавок вскармливало всегда в загоне и в неволе; будучи случайно выпущенным на вольный луг и не научившись еще ни питаться, ни находить места для укрытия, оно делается добычей первого встречного,

который пожелает снова надеть на него ярмо».

«Вскоре снова склоняет (дикий, неразвитый народ. — Ю.О.) выю под иго, зачастую оказывающееся еще более тяжким, нежели то, которое он только что сбросил».

«Выгоды от свободной жизни никем не признаются, пока они не отняты; заключаются же они в возможности свободно пользоваться собственным добром, не опасаться за честь жены и детей, не страшиться за свою судьбу; но ведь никто никогда не сочтет себя обязанным тому (законопослушному. — Ю.О.), кто его не обижает». «Лучшее средство для государя — попытаться сделать народ своим другом».

«Все члены их (городов. — Ю.О.) прогнали».

«Там, где материал не испорчен, смуты и другие раздоры не приносят никакого вреда, там же, где он испорчен, не помогут даже хорошо упорядоченные законы, если только они не предписываются человеком, который с такой огромной энергией заставляет их соблюдать, что испорченный материал становится хорошим».

«Кто хочет преобразовать старый строй в свободное государство, пусть сохранит в нем хотя бы тень давних обычаев (как советский гимн в постсоветской России, к примеру. — Ю.О.)».

«Опыт показывает, что диктатура всегда оказывалась полезной. <...> Ибо без подобного учреждения города (республики. — Ю.О.) с трудом справились бы с чрезвычайными обстоятельствами».

«Республики, которые в минуту крайней опасности не прибегают к диктатуре <...> неминуемо погибнут».

«Люди могут желать всего, но не могут всего достигнуть».

«В хорошо устроенных республиках все общество — богато, а отдельные граждане — бедны».

«Жадность и надменное честолюбие грандов столь велико, что если город (республика. — *Ю.О.*) не обуздает их любимыми путями и способами, они быстро доведут этот город до гибели».

«Если повременить и выждать, зло либо придет позднее, либо со временем исчезнет само собой».

«Там, где существует равенство, невозможно создать самодержавие, там же, где его нет, невозможно учредить республику».

«Дабы стало совершенно ясно, кого обозначает слово “дворянин”, скажу, что дворянами именуются те, которые празднично живут на доходы со своих огромных поместий. <...> Подобные люди вредны во всякой республике и в каждой стране <...> подобная порода людей — решительный враг всякой гражданственности (и рантье тоже. — *Ю.О.*)».

«Плебеи в массе своей крепки и сильны, но по отдельности слабы».

«Взбунтовавшимся массам <...> надобно сразу же избрать из своей среды вождя, который бы направлял их, поддерживал их внутреннее единство и заботился об их защите».

«Народ постояннее и много рассудительнее всякого государя. Не без причин голос народа сравнивается с гласом Божиим. <...> Благодаря какой-то тайной способности народ ясно предвидит, что окажется для него добром, а что — злом».

«Народ Рима (еще не развращенный, добрый. — *Ю.О.*) настолько ненавидел титул царя, что никакие заслуги гражданина, домогавшегося этого титула, не могли спасти его от заслуженного наказания».

«Народное правление (народа развитого и неразвращенного. — *Ю.О.*) лучше правления самодержавного».

«Государь, который способен делать все, что ему заблагорас-

судится, — безумен, народ же, который способен делать все, что ему угодно, — немудр. Однако если мы сопоставим государя, уважающего закон, с подчиняющимся законам народом, то убедимся, что у народа доблести больше, чем у государя».

«С дурным государем поговорить некому — для избавления от него потребно железо».

«Жестокость народных масс направлена против тех, которые, как опасается народ, могут посягнуть на общее благо; жестокость государя направлена против тех, которые, как он опасается, могут посягнуть на его собственное, личное благо».

«Неблагоприятные народу мнения о нем порождены тем, что о народе всякий говорит плохое свободно и безбоязненно даже тогда, когда народ стоит у власти; о государях же всегда говорят с большим страхом и с тысячью предосторожностей».

Дар макиавеллиев

Теперь можно остановиться, передохнуть, призадуматься, имея в размыслительном заголовке своем все высказанное для нас суперзвездным политтехнологом Никколо Макиавелли.

Государь, как и князь, может, сегодня кое-где по миру и есть, но в передовом западном мире их уже нет, ибо передовой постренессансно-постмодерновый мир постарался от реальных государей-князей — авторитарщиков и самодержцев, властелинов и диктаторов — к XXI веку совершенно избавиться. Этого не скажешь об ином роде властителей, или властей предрержащих, и правителей, предпочитающих находиться, как и во времена Макиавелли, в тени. И выставлять на свет божий вместо себя и под видом себя всего лишь всецело зависимых от них менеджеров-управленцев

— президентов, премьеров, даже и королей с королевами, как и глав всяких «независимых» международно-национальных учреждений вроде ООН, МВФ или ВТО.

Так что все высказанное Макиавелли предназначено сегодня не столько реальным государям-князьям, сколько по преимуществу тайным властителям-правителям мира земного и в некоторой мере легальным «руководителям» стран и народов.

Касательно народов, о которых весьма пекся Макиавелли, будучи в общем-то по своим политическим морально-политико-управленческим предпочтениям народовластцем, то они ныне вовсе нигде не правят, хотя и местами отвечают на закрыто-открытое управление сверху некоторым заметно-незаметным давлением снизу. А то и, как точно предвидел великий Никколо, попросту восстают против слишком собою занятых «верхов» (как тоже предвидел Макиавелли, не без помощи извне — от таких же, но более гибких и ловких властителей-правителей).

Относительно же мудрецов, которые ныне в передовом мире уже не столько мудрецы, сколько попросту эксперты, можно сказать, что они служат либо властям предрержащим, либо самим себе, но менее всего — народам. Хотя некоторые из них — единицы! — пытаются кое в чем разобраться и кое-что публике искренне сказать, но должного понимания и соответствующего отклика почти не встречают — не до них нынче погрязшим в потреблении и гедонизме массам, уже свершившим в передовом мире свое обыденно-обывательское восстание.

И однако наш ренессансный мыслитель нисколько не устарел в своих выкладках, уча и вдохновляя воистину сильных и уж воистину цело-

го мира сего (ныне — планетарного), хотя и не с тем вовсе зна́ком, о котором сам он когда-то грезил. То есть со знаком, который предполагает заботу о пользе утверждения и процветания государств, народов, наций, причем в деловом и творческом единении властных кругов и подвластных им масс либо же властвующих масс и подвластных им аристократий. Знак адресатов Макиавелли ныне поменялся на противоположный, вполне им осуждавшийся. Аудитория итальянского мыслителя сегодня — это любого уровня и ранга властителя всего человеческого бытия, включая всю земную природу, все планетарное человечество и даже весь близлежащий к Земле космос.

Нравится это кому-то или нет, но именно на такого пошиба властителей сработал в итоге Макиавелли, вложив в их архитектурские головы безотказное управленческое оружие, принятое ими без всякой благодарности к первому политехнологу Европы. Но зато постоянно применяемое с неслабевающей энергией и непреходящим цинизмом, который гуманному Никколо даже и не снился.

Что же такого подарил Макиавелли властителям?

Да не что иное, как убеждение в том, что для эффективной реализации власти и процветания властного господства все средства хороши, — и всего лучше, ежели такой принцип знают и придерживаются его совсем немногие, а многим пусть достается лишь надежно запечатанное ложными мифами о нем незнание. И вот это-то властительное лукавство и стало называться макиавеллизмом, хотя сам Макиавелли, идя невольно на одобрение крайних, даже подчас весьма низких в моральном смысле мер, считая их на какой-то момент остро не-

обходимыми и неминуемыми, думал совсем о другом. Он думал о пользе для всех: государей, аристократии, народов или же наоборот — народов, аристократии, государей, рассматривая страны-народы вместе с их аристократией и государями как единый животворный организм.

Чем-чем, но классовым, классовым, местечковым или личным эгоизмом пламенный ренессансный идеолог эффективной государственно-гражданской политики уж никак не страдал. Но кое-что упомянутое им в трактате из просту неизбежного и явно исключительного очень пришлось по вкусу разного рода — открытым и скрытым — диктаторам (а какая власть в той или иной мере, в той или иной точке властного поля не дик-

Макиавелли подарил властителям убеждение в том, что для эффективной реализации власти и процветания властного господства все средства хороши, — и всего лучше, ежели такой принцип знают и придерживаются его совсем немногие, а многим пусть достается лишь надежно запечатанное ложными мифами о нем незнание.

татура!). И они не без удовольствия и успеха применяют это хорошо усвоенное ими и для них столь подходящее оружие на практике, почитая при этом самих себя за верных и правильных макиавеллистов. Сегодня повсюду глобализм устанавливает свое господство над миром. Глобализм — это не столько интеграция друг в друга стран и государств, не образование единого мирового целого, а в первую очередь глобальная власть над миром с соответствующей ей империльной политикой адекватного глобализму и им ободряемого мирового правительства. Это то мировое правительство (какое бы оно ни было на самом деле по облику, структуре и составу) и проводит в мировом масштабе хорошо им усвоен-

Лоренцо Медичи. XV–XVI века

ное и в то же время дурно воспринятое макиавеллистское учение.

Но что примечательно: не менее изощренной и макиавеллиевой по алгоритмам контригрой амбициозному глобализму отвечает ныне весь подглобальный мир. Макиавелли ведь читают всюду, находя параллели и со своими местными теоретиками-мудрецами, в том числе в Китае, Индии, Иране. А потому наш возрожденческий гений учит сразу всех — тех и этих, — как и учат всех сегодня, вольно или невольно, макиавеллисты от глобализма.

В итоге же — игра и контригра, и обе без правил, но зато с неизбежными выигрышами и проигрышами, сокрушительными поражениями и пирро-

Амброджо Лоренцетти. Плоды дурного правления. 1337–1339 годы

Глобализм – это в первую очередь глобальная власть над миром с соответствующей ей империальной политикой адекватного глобализму и им ободряемого мирового правительства. Оно проводит в мировом масштабе хорошо им усвоенное и в то же время дурно воспринятое макиавеллистское учение.

выми победами. Большая всемирная макиавеллическая-де игра, в которой азартно участвуют хорошо известные, не очень известные и нарочито неизвестные геополитические игроки, среди которых полно хитроумцев, хватает и дурачков, есть удачники и неудачники, но нет никакого, прямо по Макиавелли, окончательного победителя, ибо такового и быть не может – тоже по Макиавелли!

Макиавелли в России

Среди игроков и Россия. Причем вовсе не из последних и даже не из средних, а прямо-таки из первых, хотя и с переменным для себя успехом, а иной раз и с крутым неуспехом. Но с завидным со времен Петра Великого постоянством и, что главное всего, упорством.

Если обратиться к недавнему – прошлого века – историческому опыту, то Россия вместе со своими правителями (а лучше бы сказать – российские правители вместе с Россией) вела себя в макиавеллистском аспекте по-разному, то терпя поражения, то одерживая победы, то следуя советам яркого политического и военно-стратегического мыслителя, то им не следуя, а то просто лишь пытаюсь следовать, даже очень стараясь, но либо безрезультатно, либо очень затратно, либо вовсе не с тем итогом, к которому стремилась. Россия – игрок. И игрок более чем странный – не имеющий вполне ясной для себя своей собственной цели и ведущий малопонятную для себя и вовсе непонятную для всех остальных игроков мегаигру. Такая мегаигра для России – игра и контригра одновремен-

но, а для других – попросту ничем определенным не представленная абстракция. Однако Россия играет, терпя поражения и одерживая победы, выигрывая и проигрывая, сбиваясь с пути и не находя прямой дороги, запутываясь и запутывая, вызывая недоумения и накликая на себя проклятия и разного рода беды. Стоит и играет, играет и вдруг падает, поднимается и вновь играет!

На рубеже XIX–XX веков в России не нашлось властного, гибкого и непреклонного, изобретательного и эффективного макиавеллистского толка правителя-государя. Более или менее подходивший под такового Столыпин не получил ни достаточной возможности, ни счастливого шанса, ни необходимого времени. И Российская империя, давно уже разьедаемая ненужным и ставшим ей чуждым дворянством, а также сбита с пути, заторможенная и усыпленная собственным царем, лишь по именованию бывшим государем, рухнула, так и не успев эффективно отре-

формироваться. Пала подкошенная опять же ненужной ей европейской войной и двумя — одной весьма нелепой, а другой ей совершенно чуждой — революциями. Макиавеллистских уроков вполне хватило тогда для геополитических противников России, а также для действовавших в угоду Европе разномастных революционеров — сначала будто бы пробуржуазных, а потом якобы пропролетарских. Но макиавеллистской мудрости совсем не хватило для искренних приверженцев Российской империи.

Россия явно проиграла тогда своим друзьям-соперникам, хотя кое-кто из них получил в дальнейшем возмездие — от своих же то ли более последовательных, то ли более хитроумных, то ли попросту более удачливых макиавеллистов. Керенский, наверное, читывал флорентинца еще гимназистом, пряча «крамольно-циничную» книжечку от просвещенного новоевропейским гуманизмом отца, а потому и почитал себя за чуть ли не удачливого макиавеллиста, правда, затем напрочь и навзничь проигравшегося, а может, вовсе и не игравшего самостоятельно, а просто побывшего игрушкой у настоящих «макиавеллистов» — сильных мира сего. Ульянов-Ленин, о-о-о... Он-то явно мнил себя эффективным последователем славного возрожденца, да и не напрасно, как и его товарищ по борьбе Бронштейн-Троцкий, ибо... Но они ведь были захватчиками власти, что не очень-то одобрял Макиавелли, а потому, много чего наворотив, так государями-правителями и не стали, каждый по-своему проиграв и завершив свою в высшей степени авантюрную политическую жизнь-игру. А самым удачливым макиавеллистом оказался в России долгое время малозаметный, хотя и с острым

умом, прекрасной памятью и твердым характером, семинарист-поэт-боевик-революционер, да еще и из бедных грузин-маргиналов, Иосиф Джугашвили, ставший сначала просто Сталиным — одним из вождей большевизма, затем и великим Сталиным — единовластным вождем СССР, а после Великой Победы над фашизмом уже генералиссимусом Сталиным — вождем... то ли только народов СССР и его пламенных сателлитов, то ли и впрямь народов (не элит, конечно!) всего мира.

Макиавеллизм Сталина был поначалу революционно-антиимперским (антигосударственным, следственно), а потом — после прихода к власти — и вполне уже, так сказать, флорентийско-римским, хотя при этом каким-то очень уж своим макиавеллизмом — этаким сверх-, пере-, ультрамакиавеллизмом, вышедшим за рамки собственно макиавеллизма. (Очень уж сталинский макиавеллизм оказался во многих проявлениях отрицательным, причем масштабно отрицательным, настолько, что его легче обозначать уже не макиавеллизмом, а попросту... сталинизмом.) И тем не менее только Сталину удалось стать истинным государем — великим государем, государем-верховником, государем-державником, причем уникальным не только для российской, но и для мировой истории, вершителем судеб народов и всего мира, создателем особой цивилизации со специфической идеологией-«религией», пусть и не только им придуманной и разработанной, но именно им реально воплощенной.

Да, невиданное по масштабам, очищающее, заставляющее и гнобящее насилие — страдательное, жертвенное, кровавое, — но при этом и еще более масштабный энтузиазм народных масс и ин-

теллектуальных элит. Не только почти мгновенная индустриализация страны со всеобщим образованием, но и большая наука с обновленной большой, пусть в основном и не слишком утонченной, культурой. Пусть и терпевшая поражения, но в конце концов большая и эффективная победоносная армия. Пусть еще во многом отсталое сельское хозяйство, но зато созданное в кратчайшие сроки ракетно-ядерное оружие, прорыв в космос и первый в мире космонавт на околоземной орбите. Сталин оказался очень неплохим учеником флорентинца, причем пошедшим даже далее ренессансного учителя, хотя во многом и в антиучительском направлении. Сталин — бесспорный ученик Макиавелли, но вовсе не прямой и однозначный его последователь. Сталин — сам себе Макиавелли. Его макиавеллизм совсем не «отучительский», для кого-то, наверняка, восхитительный, для кого-то совершенно ужасный, но, увы, состоявшийся.

Сталин не во всем пошел за Макиавелли, да и не особенно к этому стремился. Он предпочел свой якобы макиавеллистский путь, причем очень здесь, так сказать, «сусердствовал», хотя это и было, наверное, в положении Сталина совершенно необходимым. Сталин выбрал не что иное, как тотальный тоталитаризм, о котором мальчишка Макиавелли даже подумать не мог. Именно этот сталинский тоталитаризм и сослужил своему создателю службу в чрезвычайные апокалиптические годы, но при этом стал главным и, как выяснилось, непреодолимым препятствием на пути страны уже во времена обыкновенные, не чрезвычайные и не апокалиптические, а мирные, обывательские, «процветательские». Макиавелли не только не был тотальным тотали-

Россия – игрок. И игрок более чем странный – не имеющий вполне ясной для себя своей собственной цели и ведущий малопонятную для себя и вовсе непонятную для всех остальных игроков мегаигру. Такая мегаигра для России игра и контр-игра одновременно, а для других – попросту ничем определенным не представленная абстракция.

таристом, но всячески подчеркивал необходимость достижения для мирного времени организменной гармонии в государстве, обществе, нации.

Сталин оказался со своим сталинизмом как бы чрезмерным макиавеллистом, в чистую забывшим о Макиавелли как глашатае свободы, народовластия и социальной гармонии. Цивилизацию-то новую Сталин создал – вполне ордынско-вавилонскую, то бишь этатистско-рабскую, – а вот возможностью бессрочного исторического бытования ее не снабдил. Да и не мог снабдить, хотя и чувствовал, что что-то уже другое победившей и мирной стране было остро потребно, ибо при попытке такого снабжения Сталину и его последователям пришлось бы отказаться от... этой самой сталинской цивилизации! Сталин со товарищи оказались тут неважными или даже дурными учениками Макиавелли, а нового титана-

преобразователя СССР во что-то другое, как раз более макиавеллистское, не нашлось, да и не могло найтись – время титанов прошло, а нетитаны на то и нетитаны, чтобы ничего великого не совершать, но зато подбрасывать человечеству что-то невообразимо плоское, мелкое и гиблое.

Распад СССР, ликвидация мировой соцсистемы и международного коммунистического движения, как и последующие за этим «рыночные реформы», – деяния уже не мужей-титанов, а... лучше, наверное, помолчать. Так, мелюзги подковерной, этаких невозмутимых наглецов-реформаторов или же реформаторов-подлецов – разрушителей, наживщиков, паразитариев, но никак не созидателей, не строителей, не работников, не жертвователей. Анти-сталинский, вроде бы, разворот, да вот не вверх, а вниз, не к небесам, а прямо в преисподнюю. И все это, чтоб поскорее насытиться – день-

гами, золотом, капиталами, богатством, потреблением, гедонизмом, гламуром, бездельем, развратом.

Тут уж никакого тебе макиавеллизма – один лишь бессовестный обман, одна беззастенчивая ложь, один наглый нахрап! Захват, распродажа, сдача, раздача, распад, расстление – это ведь никакой не макиавеллизм, а его прямая противоположность, и всякое упоминание о макиавеллизме в координатах 1990-х не просто неуместно, но и крайне оскорбительно для пронизательного и мужественного ренессансного мыслителя. Макиавелли выступал лишь против тех якобы добрых намерений, которые вели прямо в земной ад. Но он не был апологетом злых намерений и гнусных деяний, как раз и устраивающих прямо на земле невыносимый в моральном отношении ад. Нет, Макиавелли хоть и не певец рая, но и не адвокат ада. Он всего лишь провозвестник ведущей к социальной гармонии гражданско-государственной доблести.

Совсем не макиавеллистский по сути и целям ельцинизм как свалился на Россию внезапно, из-за предательства, ничегонеделания и растерянности совсем не доблестных тогдашних властей предрержавших, так же внезапно и смылся из виду, хотя насовсем, как злобная короста, не исчез. Спасший свое тело «всенародно избранный» управитель, он же – преступник, разоритель и обманщик, выторговавший для себя и своей корыстной семьи гарантии не преследования по закону и сохранения всего нажитого «непосильным трудом» имущества, никакой вовсе не гениальный макиавеллист, как это хочется кое-кому представить, а совсем наоборот – аморальный антимакиавеллист, причем очень худого по-

рядка. Дурной, хотя на тот момент и вполне эффективный, предводитель дурной части российского населения, как и действенный опекун совершенно дурной для страны реформы. Ничего от действительного макиавеллизма тут нет, а есть лишь бессовестное искажение оно, что и нашло подтверждение в катастрофически античеловеческих следствиях разудалого реформирования и получает стабильное подтверждение в той «любви», которую питает российский народ к своему недавнему управителю из Кремля. Что же касается выдачи ему гарантий в обмен не столько на кремлевскую власть, сколько на возврат страны к нормальной государственности, то этот шаг может быть принят и за вполне макиавеллистский, что пусть и не скоро, и не очень твердо, но все-таки подтверждается. Во всяком случае, это был мудрый на тот момент шаг — частная несправедливость в обмен на общее, пусть еще только возможное, выживание. Вряд ли бы хитроумный возрожденец не одобрил бы это само по себе скверное деяние, точнее — необходимость такого деяния, — со стороны нового кремлевца. История вообще, а уж история такой внеисторической (или же свехисторической) страны, как Россия, тем и хороша, что она не стоит на месте, хотя вроде бы даже повторяется, и не останавливаясь на месте, даже и в чем-то повторяясь, всегда предлагает что-то новое. А новое на то и новое, чтобы отрицать старое. Следовательно, новое в чем-то непременно противоположно старому, хотя без возвратного обращения к старому новое тоже не обходится, ибо история как непрерывна, поточна и текуча, так и вихревата, турбулентна, круговертна. Поначалу любое революционно новое вы-

глядит агрессивным отрицанием старого, оно как бы полностью разделяется со всем предшествующим, круша его и уничтожая. Но все это до поры до времени: неизбежно не только сохранение многого из старого, но и кое-какой реванш этого многого из старого, хотя и в каком-то вынужденно-свободном единении с новым. В итоге всегда возникает синтез нового и старого (как и старого и нового), и этот-то синтез, ежели он оказывается жизнеспособным, в текущем бытии, как правило, и утверждается.

2000-е годы в истории России — время нащупывания жизнеспособного синтеза между экстравагантно новым и обыденно старым, поиска между тем и другим приемлемого для обоих эффективного компромисса. И ничего другого в политико-поведенческом аспекте для действующей власти и управляемого ею населения, кроме действительного макиавеллизма, предложить было невозможно. С ельцинским дурным антимаккиавеллизмом пришлось решительно, хотя при этом внешне и вкрадчиво, покончить и заняться — тоже прикровенно — собственно макиавеллизмом, причем независимо от того, создавали это новые власти или нет.

Макиавеллизм — это не только проблема субъективного выбора, это еще и настоятельная объективная потребность. Никакой тут вкусовщины нет: либо ты макиавеллист и добрый, по терминологии Макиавелли, правитель (вовсе при этом не добренький!), либо ты антимаккиавеллист и правитель, опять же по подходу Макиавелли, дурной и злобенький.

У российских властей двухтысячных не было никакого иного выхода, кроме умного, расчетливого и размеренного макиавеллизма, — чем собст-

венно послеельцинская власть и занялась, запустив в общество первый публичный знаковый сигнал — возвращение униженной и потрепанной стране гимна СССР, пусть и с подправленными словами, но гимна великой державы — торжественного, победоносного и вдохновляющего.

Так изрядно подзабытый в позднее советское время и фактически отвергнутый в лихие и беспросветные 1990-е макиавеллизм вернулся в российскую политическую практику. Но он вернулся уже не в сталинской, а в совсем иной интерпретации. Ни тебе мирового революционного движения, ни массовой и действенной партии, ни увлекающего элиты и массы вечно живого учения, ни даже вездесущего и непреклонного ГПУ — ничего такого. Зато бодрый капитализм с финансизмом в стране, и могучий глобализм по всей мировой округе, и недремлющий «вашингтонский обком» на стреме, и новая информационная цивилизация со своей всеохватывающей паучьей сетью, и всепроникающий, пошлый и разлагающий постмодернизм, и открытые границы со свободой любого из возможных передвижений... Да мало ли еще чего явилось — вовсе при Сталине и не бывшего?

Хотя сталинский урок действительного макиавеллизма не мог не учитываться послеельцинской властной верхушкой, ибо ей, как и Сталину, пришлось восстанавливать самость и самостоятельность страны, ее великодержавность и историческую субъектность, порядок, структурность, системность — словом, государственность, но, разумеется, без всякого уже захода на какой-либо, кроме денежно-потребительского, тоталитаризм. Синтез нового со старым тут, как и у Сталина, но цели, задачи и методы — иные, но со-

всем не «добренские». Сложно, неоднозначно, неопределенно, противоречиво, туманно, конспиративно, сомнительно, лукаво — но ведь идет этот макиавеллистский процесс. И идет в сторону восстановления государственности, утверждения многого нового, подтверждения кое-чего из старого — и уже без разудалой революции и без твердолобой реставрации.

Можно критиковать, возмущаться, сокрушаться, негодовать, как и недоуменно безмолвствовать, называть нынешнюю политику властей двуличной, блудливой, изменческой и какой угодно еще, но не признавать ее макиавеллистского — в добром смысле — характера уже никак нельзя. Вполне возможно, что это не та политика, которая нужна стране, но она — эта самая макиавеллистская политика — в России все-таки есть. Мало того, она уже дает свои плоды — вполне добрые плоды, почти что по Макиавелли! Россия-2013 — это Россия сосредоточивающаяся, поднимающаяся, беременная новой исторической перспективой, ищущая нового развития — не столько в производительную ширь, сколько в творческую глубину, с выходом на новый интеллект, а вслед за этим — и на новое сознание, на нового российского человека — члена обновленной великой нации и гражданина воскресшей великой державы.

«Ерунда, — заметят скептики, — ничего подобного не происходит, это не более чем наивно желаемое, принятое за действительное», — и со своей стороны будут правы, ибо состояние страны в целом никак не отвечает столь оптимистической оценке. Однако надо видеть не одно только все еще болезненное поверхностное целое, явное, феноменальное, но и замечать кое-что не столь явное, внутреннее, глубинное

— на уровне еще сокрытых энергий и потаенных пока сил, узреть среди поверхностной неразберихи выстраивающуюся в ней и через нее системообразующую устремленность. Невыраженная потенция, глухие намерения важнее и сильнее сегодня любой бросающейся в глаза очевидной нелепости. Ничего не поделывать: время разбрасывать камни и присваивать эти последние частными лицами прошло (или проходит?), наступило (или наступает?) время собирать камни и строить из них общенациональный дом.

И власть, сознавая это, разворачивает управляющую структуру, деловые круги и работные институции, ресурсы, сознание, труд и творчество — в общем всю страновую демиургию — к созиданию Новой России. России, еще, быть может, только помысленной и вовсе еще не проектной, но уже призрочно явившейся и по стране уже бродящей. Власть разворачивает Россию к... России, отворачивая ее как от победительного Запада, так и от готовящейся к мировому геополитическому прыжку Азии. Разворачивает, вовсе не избегая взаимодействия с Западом и Азией, а лишь опасаясь растворения России в Западе или в Азии, ибо такова воля исторического провидения относительно, может, и заблудшей в потемках на срок, но уже выбирающейся на исторический свет России. Того самого провидения, которого не существует для чересчур вестернизированных ученых, но которое обязательно есть для постнаучных метафизиков, как это было и для великого итальянского разумника Макиавелли.

Макиавеллиева метафизика

Что такое действительный — а не придуманный кем-то — ма-

киавеллизм? Вроде бы, тонкий расчет и решительное действие, не исключающее и чрезвычайку с беспощадностью, однако, что всегда почему-то забывается, ради благополучия всего социального организма в целом и всех его — этого организма — элементов и частей. Спрашивается, где же тут метафизика, если на виду фактически одно рации? Оставив в стороне проблему метафизики самого рации, укажем на другое — на стремление действительного государя-владельца, правителя, а иной раз и попросту тирана к устройению не своего личного, а общего для всех государственно-гражданского благополучия. Разве это не метафизическое стремление? Как и сам возможный процесс его фактической реализации? И дело тут вовсе не в том, что разумный государь обращается к религии, а в том, что само его государственно-гражданское деяние есть религия, ибо обращений лишь к пользе и выгоде тут явно недостаточно. Государь улавливает посредством своей личной метафизики, включающей и метафизику властвования, метафизику управляемого государем мира и, управляя этим миром, государь действует сначала и в основе как метафизик, а потом уже как конструктор, архитектор, полководец, инквизитор, даже и палач. Есть она — метафизика власти, управления, государственного хозяйства — есть! И от нее никому и никогда не уйти — ни государю, ни народу, ни обществу, ни истории!

Россия — страна державной и самодержавной метафизики, вовсе не народоправской, или (на западный манер) не демократической, точнее — не плутократической, не игрократической, не лжекратической. И в России государь — совсем не пустое и даже не просто об-

разное слово, это — факт, причем совершенно непатологический. Обычно это первое лицо во властной структуре, как бы это лицо конкретно ни называлось. Великий князь, царь, император, вождь, генеральный секретарь, председатель правительства, президент. Макиавелли, будучи сам по себе приверженцем народовластия, размышлял все-таки более всего о властном институте, называемом устно или письменно как раз государем, ибо не был он свидетелем особенно эффективных демократий, но зато был свидетелем эффективных, не очень эффективных и неэффективных государей вкупе с их благополучными, не очень благополучными и неблагополучными домами-государствами.

Размышления Макиавелли всего более адекватны как раз российскому историческому бытию, где государь — это государь, а народ — это народ, где государь над народом и ради народа, а народ под государем и вместе с государем. И дело тут не в том, хорошо это или плохо, а в том, что это так, что не исключает ни возможности доброго государя с добрым народом, ни дурного народа с дурным государем, ни еще какой-нибудь замысловатой комбинации. Либерализация и демократизация на западный манер, вроде бы, возможны в России, но, увы, вовсе не действительны, что не исключает разных практических реализаций державности, самодержавности и народовластия: как более, так и менее либеральных, как менее, так и более диктатных. Тут все зависит от обстоятельств и общих текущих состояний, от согласованности и гармоничности составляющих социогосударственный организм начал, от зрелости и культурности народа, от силы гражданственности, но в немалой степени и от личности государя и

Макиавеллизм Сталина был поначалу революционно-антиимперским (антигосударственным, следственно), а потом — после прихода к власти — и вполне уже, так сказать, флорентийско-римским, хотя при этом каким-то очень уж своим макиавеллизмом — этаким сверх-, пере-, ультрамакиавеллизмом, вышедшим за рамки собственно макиавеллизма.

его умения справляться со своей державной миссией.

Искусство эффективного управления большими системами в интересах всех — вот что в центре внимания Макиавелли, для которого, заметим, ценность социума, народа, нации, государства выше ценности государя. Не общество у Макиавелли служит государю, а государь — обществу, чего, конечно же, хотелось бы нынешним россиянам обнаружить в своей собственной стране.

Макиавелли различает внутренние и внешние аспекты бытия любого общества-государства, соответственно различает по этому же принципу и государственную политику, включая и действия самого верховного принцепса, к сознанию и интеллекту которого мыслитель неустанно обращается. И политическая жизнь современной России идет этими же двумя потоками, тесно взаимосвязанными, но и достаточно различающимися.

Россия в мире и с миром, как и мир в России и относительно России — это одно, а Россия в России и сама же она против России — это другое. Россия внутренняя и Россия внешняя... И коль скоро 2012 год не 2000-й и тем более не 1991-й, что означает уже не падение и угасание, а кое-какое все-таки восстановление страны, еще и с перспективой подъема и развития, то нынешнее безнадежно-обнадеживающее состояние-движение России предпочтительно рассматривать в указанных двух аспектах — внутреннем и внешнем, как и положено это делать любому заботящемуся о своей стране государю, будь он при этом макиавеллистом или нет. (Заметим, что всякий действенный правитель всегда в той или иной мере макиавеллист, даже ежели книжки ренессансного политического теоретика никогда в руки не брал, чего, конечно же, быть все-таки не может.)

Петр Шамшин. Петр Великий спасает утопающих на Лахте. 1844 год

Размышления Макиавелли всего более адекватны как раз российскому историческому бытию, где государь – это государь, а народ – это народ, где государь над народом и ради народа, а народ под государем и вместе с государем.

Внутреннее восстановление России

Положение России к началу 2000-х годов оказалось аховым. Первичный захват в частные руки собственности, ресурсов, выгодных в мирохозяйственном отношении производств, вообще большей части национального богатства, их нахрапистая приватизация были в целом успешно проведены к концу 1990-х. Произошло это ценой создания в стране смуты, анархии, хаоса, путем поощрения произвола, насилия, животного страха, стимулирования тотального разрушения и саморазрушения государственной, гражд-

данской, национальной, гуманитарной, общежитейской, социальной культуры. Это означало перевод общества в режим инфернализованного бытия-небытия, погружение его в настоящий земной ад. Разумеется, добрые люди (простецы!) всему этому сопротивлялись как могли, выполняя свой долг перед Родиной, государством, нацией, перед культурой, цивилизацией, моралью, перед собой, близкими, семьей и человеком вообще. Они не восстали, не взбунтовались, а предпочли стоически пережить страшное, злое и вредное лихолетье, оставаясь людьми, гражданами, сторонниками законности и по-

рядка. Им было трудно, кто-то из них приспособился к новому житию, а кто-то нет, кто-то выдюжил, а кто-то сломался, даже ушел из жизни. Немало нашлось и тех, которые, не став жлобами-лжецами-преступниками, предпочли покинуть взбесившуюся Россию, ища лучшей доли за границей. Потери страны были огромными, а главное, чего не было и не могло вообще быть ни в одной войне, даже гражданской, — было потеряно то, что обычно называется нормой, порядком, сознательностью, гражданственностью, культурой, цивилизацией. Было — и вдруг не стало. По мановению волшебной палочки сверху, из центра, из Москвы, из Кремля.

Страна оказалась на краю погибельной бездны. Это не прошло мимо внимания присвоительных реформаторов, вовсе

не желавших потерять в бездне все, с таким гнусным, злым и безобразным рвением только что обретенное, — собственность, богатство, возможность сытно, красиво и долго жить, влившись в давно уже преуспевший в кабальной эксплуатации населения планеты высший род человеческий. Тот самый род, против которого когда-то выступила, вроде бы, мировая пролетарская революция и явно уже товарищ Сталин со своим СССР. Тот самый род, который заключил союз с развращенной советской верхушкой, одержал верх над СССР и соцсистемой, установил опеку над постсоветским режимом и поспособствовал ельцинскому реформированию оторопевшей страны, отданной попросту на разграбление.

Да, новая самозваная господствующая элита, понимая, что может навсегда упустить объект своего господства и источник своего благополучия, вступила-таки на путь стабилизации нового строя, его укрепления и оттачивания, для чего избавилась от «нехорошего» первого президента с его «плохой» командой и внедрила «приличного» принцепса с более или менее «удовлетворительной» командой.

Начался новый период в истории России — период отката от жути 1990-х, срочного исправления попушенной ельцинизмом тотальной кривизны, ослабления общего социально-экономического кризиса, снятия угрозы распада страны и возможности большой междоусобицы, отхода от замаячившей прямо перед носом погибельной бездны. Это было так, но это еще не означало прихода макиавеллизма. Точнее, означало лишь некоторое первичное авансирование макиавеллизма, который, немного помедлив — до середины первого десятилетия нового века, не преминул в конце концов

реально объявиться в издерганной стране. 2005-й год — год явного утверждения в России макиавеллистского алгоритма внутривластной жизни.

Тогда на фоне стабилизации нового социохозяйственного строя и в его уже вырисовавшихся рамках ясно обозначилась борьба между разными течениями как постигнутой стране реформизма, так и самого странового бытия, ибо вопрос о действительной конфигурации нового российского строя еще не был разрешен. Пошла большая игра — как раз за то или иное разрешение животрепещущих проблем: кем быть, куда идти, что делать, к чему стремиться? Мы оставляем сейчас в стороне вопросы борьбы за собственность, ее передел, за доминирование одной части владетельной элиты над другой, хотя это и важно, ибо провоцирует нестабильность и перемены. Нас более волнует разгоревшаяся внутриэлитная борьба за Россию, ее новый образ, ее судьбу. Эта борьба тогда пошла и всюду идет, причем вполне корреспондируя с макиавеллистскими принципами, чаяниями и интенциями.

Игроков в пространстве России хватает — своих и чужих, «добрых» и «злых», светлых и темных, явных и скрытых, а главное — пророссийских и антироссийских, а среди тех и других — либерально-демократических и авторитарно-державных, как и любых иных. Смута в мозгах и душах совсем еще не преодолена, а потому всякое тут возможно — от прозападной «гуляй-сети» до антизападной «стой-заглушки». Много в стране игроков, но есть среди них один, который... нет, конечно, не государь вовсе, не властитель и даже не правитель. Но он непосредственно от государства, от власти и от правления, от их

метафизики, духа и идейности, их энергии, информации и силы, а также от порядка, устоев и перемен, от реформы, революции и традиции, от элиты, народа и Господа Бога. В общем — наверху, сверху, в центре, в ядре. И поскольку еще не государь, а может, и никогда уже не государь — другие времена, — но в России и для России так или иначе парагосударь, который, будучи пусть и не полным государем, принимает, хочет он того или нет, государевы (пусть парагосударевы) решения и предпринимает соответствующие действия. Держа государев курс, выполняет государственную программу, им или не им задуманную, но провидчески как раз ему-то и служащую.

И этим игроком является президент Российской Федерации, вовсе не такой уж свободный и полномочный, как может кое-кому казаться, как и совсем не такой уж подневольный, как думается еще кому-нибудь. Игрок — и еще какой игрок! Выдержанный, стойкий, расчетливый — совершенно макиавеллистский. Не сталинское нынче время, не большевистское, не пролетарское, да и не откровенно имперское, национальное, государственническое. Совсем запутанное время — постмодерновое. Свобода, открытость, дозволенность, произвол, безнаказанность, наглость и подлость. То ли больной, то ли тлетворный, то ли падший люд, которого и понять можно, и простить, но вот как поднять его, обладать — сделать ладным, оживить? Надо сохранить и укрепить уже явившийся строй, значительно его и подправить, ибо впереди — никакой перспективы ни для строя, ни для страны, ни для властей, ни для всех нынешних «успешников». Унять многих надо, очистить страну, оздоровить общество. А время-то совсем не диктат-

ное, не то что тогда — при Сталине, хотя и ресурсы есть, и инфраструктура, и деньги. Чего нет — так это людей, которых зажали, подавили, обескровили, вытеснили. Время не тружеников и творцов, а имитаторов, наживщиков, пустомелей. А делать-то надо, иначе не будет страны, строя, не будет и богатства, хотя и поделиться им надо, перераспределить внаглую добытое, людям воистину деловым и молодежи изобретательной дать если и не полный простор, то хотя бы устойчивый шанс. А тут — коррупция, приватизация, разор, тотальная несправедливость! Люди пока терпят, но уже больше и не хотят терпеть, очень не хотят. И надо идти им навстречу — но как и с кем?

Политика — искусство невозможного. Кругом сплошная невозможность, хотя и не бетонная. Сражение, в ходе которого невозможное расступается и на арену выходит возможность, — возможность перемен. Чрезвычайность, жесткость, крайность, а кое-где и кое с кем беспощадность. Измены, вредительства, поражения. Социума нет, нет и государства. Доблесть не в том, чтобы не обмануть врага и проиграть ему, — это не более чем глупая стойкость. Доблесть в том, чтобы выиграть, пойдя на хитрость и даже жестокость, но повергнуть врага — ежели цель, конечно, не мелкотравчатая, а крупная, общественно значимая. Чего нет сегодня, так это доблести, к которой так тяготел наш мужественный флорентинец, но помимо доблести есть еще необходимость, которая неумолимо накатывает на нынешние власти, на самого президента-принцепса.

Сегодня — момент напряжения, потенции и перемены, ибо страна не может удовлетвориться уродливой пореформенностью и жаждет уже чего-

то постреформенного — нормального, человеческого, жизнеспособного. И настоящий макиавеллист сегодня тот, который сможет ответить на эту потребность момента, несклонного ни ждать, ни приспособливаться, ни покоряться. Нужен постреформизм в угоду России, необходим рывок к развитию, понимаемому не в обычном экономико-потребительском смысле, а в большом метасмысле — как переход к новому человеку с новым бытием — трудо-творческим, морально-ответственным и солидарно-общественным. Потребна не стабилизация аномальности, а нормализация стабильности — однако позитивно и эффективно изменчивой, совершенствующейся, возвышающейся. Дело тут не в финансах и конкурентоспособности, а в чувствующих свою полноценность и надобность людях, в их отыскании, поддержке, воспитании, образовании. Наконец, в их вольном самоформировании под общественную, национальную, государственную потребность, а не под поиск лишь личного благополучия, которого нет и никогда не будет, тем более в обстановке нарастающей на планете безысходной апокалиптики.

У России есть шанс вырваться из разудалой тьмы к удалому свету, есть шанс споспешествовать усилиям, предпринимаемым в этом направлении властями, есть шанс совершить исторический подвиг и у главы государства. Но любой шанс — еще не реальность. Социогосударственный организм не просто больной, что всегда бывает и что более или менее исправимо. Тут совершенно другой случай: революционным реформизмом 1990-х создан не просто плохой, с большими недостатками и проблемами организм, а самый настоящий урод, который требует не лечения, а перево-

площения, которого можно добиться только посредством срочно-упорного трансформирования, да еще и с условием тотального очищения.

Нет, речь идет вовсе не об организме-идеале, а всего лишь о жизнеспособном и жизнеутверждающем организме, могущем не только быть, но и развиваться.

Закрывать страну нельзя и не нужно. Отправлять миллионы за решетку невозможно и бесполезно — кому и кого отправлять, да и толку-то? Надеяться на бизнес-рынок и самодеятельность наивно. Питать надежду на бюрократию глупо. Им-то было тогда хорошо — дружинникам, опричникам, преображенцам, немцам, масонам, партийцам, чекистам, жуликам всех мастей (это в 1990-е), в общем — реальным движителям преобразований. А вот нынче-то кто и что? Нужен движок — это помимо капитала, корпораций, предпринимательства, администраций, спецслужб — тот самый движок, который найдет интерес, волю и силы немедленно переориентировать национальный процесс в пользу страны и уничтожить уroda — это жуткое чудовище, называемое ныне с трибуны пореформенной Россией, а в кулуарах именуемое ельцинским монстром.

Опорой может быть только выходящий уже на арену новый — амбициозный, решительный, недоумевающий и недовольный — молодой люд, которому пореформенный урод явно не нравится, который за него никак не ответственен и готов его сокрушить ради становления общежитийской нормы. Потребен «орден меченосцев». Ну, и идеология новая нужна: «Россия, справедливость, солидарность». Без лукавой демократии и тупого авторитаризма, без нарочитого гедонизма и навязчивого аскетизма. Нор-

ма — обыкновенная житейская норма, — она же и здоровье, удовлетворенность, подвижность. Преодолеть аномалии, а совсем уж отрицательные попросту уничтожить не означает ни общей остановки, ни топтания страны на месте, ни отсутствия обновления.

Низы уже хотят, верхи... пока не могут. Но и верхи кое-чего уже хотят, а низы почти что уже готовы.

Слово, потребно слово, а не риторика — и не блестящее слово, а слово, пусть и не самое красивое, но житейское, человеческое, весомое.

Судьба страны, государства, нации — судьба всех.

Никакого растворения в глобализованной среде, никакого подчинения глобальному центру, никакой потери самости. Не закрытие ото всех, но стояние среди всех. Не подражание всем и вся, а самоопределение. Не бестолковое заимствование, а продуманное самосозидание. Не субординационное подыгрывание, а самостоятельная игра. Не уступки, потери и «ухваты», а партнерская взаимная выгода. Что говорить, сложно, трудно, тяжело, невозможно, но если бы было не так, то зачем же тогда Макиавелли со своим учением и для чего же к нему теперь обращаться?

Внешнее воссоздание России

Нынешняя Россия — не СССР, не бывшая Российская империя, хотя и не Московия. Это, безусловно, великая империальная держава, ослабленная, нездоровая, несколько растерянная. Но при этом не потерянная — ни как просто страна, ни как страна великая, ни как страна судьбоносная. Бывшая совсем недавно в составе и в образе СССР одним из двух самых могущественных игроков на геополитическом поле мира, Россия оказалась в

Опорой может быть только амбициозный, решительный, недоумевающий и недовольный молодой люд, которому пореформенный урод явно не нравится, который за него никак не ответственен и готов его сокрушить ради становления общежитической нормы. Потребен «орден меченосцев». Ну, и идеология новая нужна: «Россия, справедливость, солидарность».

1990-е и в начале 2000-х очень неважным игроком — травмированным, потерявшим форму, деградировавшим, неспособным играть по-крупному и мастерски, вялым, уступчивым. Даже и презренным (брошенная на произвол судьбы Сербия, позорное спасение подлодки «Курск», уступленный глобализму Ирак).

С уходом Ельцина и приходом нового руководства началось, хотя и не сразу, не одним махом, воссоздание России как сильного игрока. Достаточно вспомнить мюнхенскую речь президента России, борьбу против натовского продвижения к границам РФ, происшествие с Грузией по поводу Южной Осетии и Абхазии, поддержку Ирана, наконец, неуступчивость России вкупе с Китаем относительно атакующей извне Сирии. Сюда же прибавим поддержку российской армии и ОПК, продажу вооружений за рубеж, строительство АЭС и трубопроводов за границей.

Нет, Россия еще не освободилась от «дружеской» опеки США и глобального штаба, под которой очутилась по ито-

гам горбачевско-ельцинской разборки с СССР и соцсистемой, но явно уже пытается это сделать, играя, как кажется, совершенно и по-макиавеллистски. Помимо особых отношений с США, Европейским союзом и глобальным центром (G8), Россия поддерживает особые отношения со странами БРИКС, а также с другими государствами, среди которых Иран, Сирия, Венесуэла, Индонезия, Израиль, Турция. Назовем и бывшие советские республики — Белоруссию, с которой действует союзный договор, Казахстан, Таджикистан, Киргизию, Армению. В этом же ряду и новые постсоветские государственные образования, в том числе «непризнанное» Приднестровье.

В общем Россия сегодня — уже заметный игрок в мировой геополитике. Причем игрок не столько даже силовой, сколько ментальный — Россия оказывается в роли выразителя кое-какой правды, защитника справедливости, суверенности, опекуна слабых. И вот тут-то открывается что-то совершенно уж невообразимое: сама испытывающая лу-

Макиавеллизм софиен, он – в согласии с Премудростью Божией. Только в отличие от уставшего и разочарованного во всем царя Соломона, ничего уже от жизни не желавшего и излучавшего грустную пессимистическую мудрость, Макиавелли стоит за мудрость активную, действенную, созидательную.

кавый гнет извне, Россия, не очень-то внутри себя процветающая, становится для людей и стран мира субъектом надежды на одоление разыгравшегося не на шутку глобально-

го мирового супостата! Проясняется вся будто бы макиавеллистская большая мировая игра – игра без правил, вовсю ведущаяся ныне на планете Земля. Эта игра включа-

ет в себя империальный «макиавеллизм» глобального супостата и подлинный, без каব্যчек, макиавеллизм России. Единственная страна в нынешнем мире, которая может сказать что-то правдивое и жизненно важное и к которой мир внимательно прислушивается, это Россия. Это хорошо сознают в кругах глобального центра, который неоднороден, а потому в его недрах не одна только нелюбовь к России, но и кое-какая приязнь, что и отражается на всей мировой геополитической игре. Люди, народы и страны, в том числе и западные, недаром обращают взоры на Россию, ибо чувствуют что-то такое, что не бросается в глаза бойким политическим обозревателям, видящим лишь мелькающую перед их носами обиденную мишуру, но неспособным заметить за ней нарастающих неотвратимых перемен. Мировая игра в разгаре, и Россия, вновь обретающая субъектный суверенитет и активно припоминающая имперский игровой навык, в этой игре – из первых ее участников, причем вовсе не только полевых, но и судейских, мало того – из авторских.

Софийность макиавеллизма

Макиавеллизм – не ремесло вовсе, а великое искусство, полное изобретательности, своеобразности, импровизации, неповторимости. В общем – творчества, причем неожиданного, поражающего, внезапного, разящего. Это – удел немногих, точнее – единиц. Хотя все хитрецы, лгуны, слизняки и подлецы и почитают себя за макиавеллистов, но никакими макиавеллистами они на самом деле не являются. Они – попросту чернь. А чернь не понимает, что есть на самом деле Макиавелли и его макиавеллизм, обращенные к князьям, госуда-

рям, правителям, властителям. Да и то не ко всем, а лишь к некоторым, способным действовать в угоду общему делу и на пользу всем, исполнять поднебесный долг, не стесняясь в случае необходимости прибегать и к разящему противника коварству.

Макиавеллизм софиен, он — в согласии с Премудростью Божией. Только в отличие от уставшего и разочарованного во всем царя Соломона, ничего уже от жизни не желавшего и излучавшего грустную пессимистическую мудрость, Макиавелли стоит за мудрость активную, действенную, созидательную. Макиавелли — великий оптимист, но не дурашливый оптимист, закрывающий глаза на смерть, раны, проказу, как и на низость, подлость, мерзость, а оптимист мужественный и реалистичный, сдабривающий и оправдывающий свой оптимизм волей к жизни, желанием общего блага и стремлением к преодолению зла. Подставление другой щеки под новый удар обидчика — вовсе не макиавеллистский идеал. Хотя, быть может, не его идеал и не достигающий поражения противника ответный удар: флорентинец за полное повержение противника, причем такое и тогда, когда наглец менее всего его ожидает. Вот и Россия в ожидании отмщения за все западные над собой эксперименты, но не ударное отмщение, не прямолинейное, не тупое, а сходное с тем, что заслуженно когда-то получила Орда — гибкое, рассчитанное, хладнокровное. Не войной вовсе угрожает Россия Западу, а своим поразительным существованием, истерзанной душой, поруганным телом, выстраданным словом.

Как ни странно, но София вовсе не с благополучным и самоуверенным Западом, а с исковерканной, униженной и растревоженной Россией, ибо

на благоустроенном Западе уже ничего богоугодного не выварится, а вот в ужасной России — очень даже возможно. В России есть человеческий протест против всего этого пореформенного. И растет потребность в ином — уже постреформенном. Пусть стране тяжело и невыносимо, но она выдюжит и к этому иному непременно придет, ибо, находясь в аду, много страдает, переживает, думает, но и ищет, озираясь и выворачиваясь спасительно, перебегая от одного судного дня к другому.

■ Осознавая возможность обвинения нас вместе со славным флорентинцем в «наивном прекраснотушии» относительно современности, заметим следующее.

Во-первых, надо внимательнее относиться к оценке текущего момента: сегодня всем в мире тошно от нарастающей неопределенности и самоагнетающейся напряженности. Даже проворным и успешным китайцам тошновато, не говоря уже о механических циниках с Уолл-стрит. А раз так, то мы все — богатые и бедные — перед серьезнейшими непредсказуемыми переменами.

Во-вторых, Россия уже безоговорочно желает выхода из того ада, в котором находится, и шанс такого выхода у России есть, а о самом выходе обязаны сегодня позаботиться прежде всего нынешние власти. Не могут, а именно обязаны. Хотя и не очень-то, наверное, могут.

В-третьих, у нынешнего российского принцепса нет выбора: или он как толковый макиавеллист идет навстречу потребностям очнувшейся страны и выводит ее на спасительный путь, или как маниакальный антимаккиавеллист идет навстречу сознательно призываемой бездне.

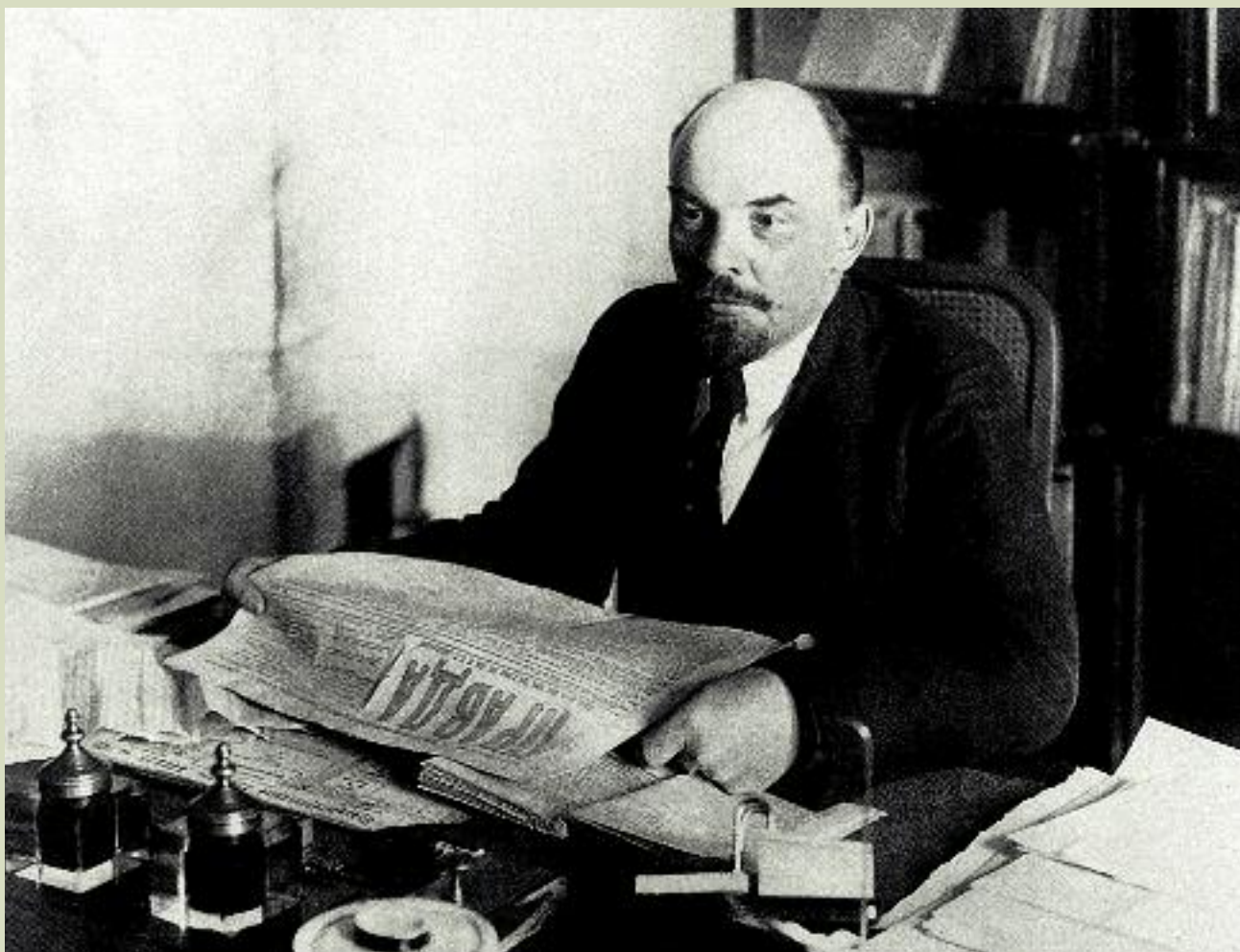
В-четвертых, есть еще помимо

субъективного управляющего фактора и объективный ход вещей, который происходит сам по себе и лишь частично корректируется управляющим субъектом. Мало того, есть еще и вовсе от управляющего субъекта и даже хода вещей независимый ход неизвестности (случайность, внезапность, произвол, воля Божия, чудо, промысел Господень). А это значит, что потребно быть не просто макиавеллистом, а очень мудрым макиавеллистом, учитывающим все сразу, в том числе и никак не учитываемое.

В-пятых, в России пришло время радикального поворота к отводящему от бездны постреформизму. В противном случае не будет ни дойной российской коровы, ни золотого молочка от нее.

В-шестых, каяться надо реформистам, возвращать награбленное, а не бежать, ибо бежать-то некуда — совсем малой и очень хорошо известной стала планета, а бессовестных грабителей нигде ведь не любят, их побаиваются и презирают.

В-седьмых, Макиавелли со своим макиавеллизмом хорош тем, что у него предусмотрено и сокрушительное поражение правителя-неудачника: Ельцин-то мог чудить и проказничать, ибо смута была и спроса никакого с «правителя» тогда не было. А вот у нынешнего руководства такой возможности уже нет: смута всем уже надоела, и народ чаёт порядка с нормой, а потому при внезапном завершении неловкого правления уже никаких гарантий ни для кого из неудачников не будет — прямо по Макиавелли. Есть макиавеллизм сверху — от и для верховного правящего субъекта, а есть макиавеллизм снизу — прямо от среды и для среды. И он — такой объективный макиавеллизм — никогда, как и София, не дремлет. ☹

Владимир Ленин

Из работы «Что делать?»

«Раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи, то вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой “третьей” идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной.

Это не значит, конечно, что рабочие не участвуют в этой выработке. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, в качестве прудонов и вейтлингов, участвуют,

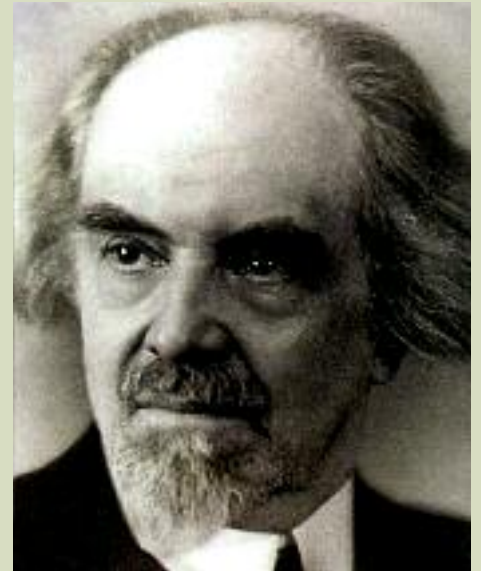
другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удастся овладеть знанием своего века и двигать вперед это знание. А чтобы рабочим чаще удавалось это, для этого необходимо как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще, для этого необходимо, чтобы рабочие не замыкались в искусственно суженные рамки “литературы для рабочих”, а учились бы овладеть все больше и больше общей литературой. Вернее даже было бы сказать вместо “замыкались” – были замыкаемы, потому что рабочие-то сами читают и хотят читать все, что пишут и для интеллигенции, и только некоторые (плохие) интеллигенты думают, что “для рабочих” достаточно рассказывать о фабричных порядках и пережевывать давно известное».

Николай Бердяев

Из этюда «Душа России»

«Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ – самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю. Все подлинно русские, национальные наши писатели, мыслители, публицисты – все были безгосударственниками, своеобразными анархистами. Анархизм – явление русского духа, он по-разному был присущ и нашим крайним левым, и нашим крайним правым. Славянофилы и Достоевский – такие же в сущности анархисты, как и Михаил Бакунин или Кропоткин. Эта анархическая русская природа нашла себе типическое выражение в религиозном анархизме Льва Толстого. Русская интеллигенция, хотя и зараженная поверхностными позитивистическими идеями, была чисто русской в своей безгосударственности. В лучшей, героической своей части она стремилась к абсолют-

ной свободе и правде, не вмести- мой ни в какую государствен- ность. Наше народничество, – явление характерно русское, не- знакомое Западной Европе, – есть явление безгосударствен- ного духа. И русские либералы всегда были скорее гуманистами, чем государственниками. Никто не хотел власти, все боялись вла- сти, как нечистоты. Наша право- славная идеология самодержавия – такое же явление безгосударст- венного духа, отказ народа и об- щества создавать государствен- ную жизнь. Славянофилы созна- вали, что их учение о самодержа- вии было своеобразной формой отрицания государства. Всякая государственность представля- лась позитивистической и рацио- налистической. Русская душа хо- чет священной общности, богоизбранной власти. Природа русского народа сознается как ас- кетическая, отрекающаяся от зем-

ных дел и земных благ. Наши ле- вые и революционные направле- ния не так уже глубоко отлича- ются в своем отношении к госу- дарству от направлений правых и славянофильских – в них есть значительная доза славянофиль- ского и аскетического духа».

Из работы «Русская религиозная идея и русское государство»

«После падения Византийской империи, Второго Рима, самого большого в мире православного царства, в русском народе пробудилось сознание, что русское Московское царство остается единственным православным царством в мире и что русский народ – единственный носитель православной веры. Доктрина о Москве как Третьем Риме стала идеологическим базисом образования Московского царства. Царство собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи. Искание царства, истинного царства, характерно для русского народа на протяжении всей его истории. Принадлежность к русскому царству опре-

делилась исповеданием истинной, православной, веры. Совершенно так же и принадлежность к советской России, к русскому коммунистическому царству будет определяться исповеданием ортодоксально-коммунистической веры. Под символикой мессианской идеи «Москвы – Третьего Рима» произошла острая национализация Церкви. Религиозное и национальное в Московском царстве так же между собой срослось, как в сознании древнееврейского народа. И так же, как иудаизму свойственно было мессианское сознание, оно свойственно было русскому православию. Но религиозная идея царства

выделилась в форму образова- ния могущественного государст- ва, в котором Церковь стала иг- рать служебную роль. Москов- ское православное царство было тоталитарным государством. Ио- анн Грозный, который был за- мечательным теоретиком само- державной монархии, учил, что царь должен не только управлять государством, но и спасать души. Интересно отметить, что в мос- ковский период в Русской церк- ви было наименьшее количест- во святых. Лучший период в ис- тории Русской церкви был пе- риод татарского ига, тогда она была наиболее духовно незави- сима, и в ней был сильный соци- альный элемент».